

2 Корона

А. Г. КЕНЬ.

342

115

БЕТХОВЕНЪ.

Жизнь.

Личность.

Творчество.

ЧАСТЬ II

ЛИЧНОСТЬ.

СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ МАСКИ БЕТХОВЕНА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография А. В. Орлова. Вас. Остр., Средній пр., д. 6.

1918.

Из книг
**Н. А.
КОРОЛЕВА**

А. Г-КЕНЬ.

БЕТХОВЕНЪ.

Жизнь.

Личность.

Творчество.

ЧАСТЬ II.

ЛИЧНОСТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. В. Орлова. Вас. Остр., Средній пр., д. 6.
1909.

„Это — благодѣтельное и вѣчное преимущество великаго въ мірѣ, что въ его присутствіи можно и должно забыть самого себя“.

Куно Фишеръ. Лекціи о Шиллерѣ.

„Нѣтъ истинной гениальности и полного расцвѣта духовныхъ силъ безъ величія характера“.

В. Виндельбандъ. Рѣчь о Сократѣ.

„Артистъ и человѣкъ нераздѣльны. Все истинное искусство вырастаетъ только изъ человѣка.“

Эдвардъ Григъ. Письма.

— 30 —

ЛИЧНОСТЬ.

Общій очеркъ нравственной личности. Бетховенъ былъ не только великимъ музыкантомъ, но и высокой нравственной личностью, и когда познакомишься съ его жизнью и душой, не знаешь, чему больше удивляться— величію ли его творческаго генія въ музыкальной области, или высотѣ его нравственнаго характера. Извѣстный музыкальный писатель, Альфредъ Эристъ (1850—1898 г.), въ своей характеристикѣ Бетховена въ „La Grande Encyclopédie“, говоритъ: „Если Бетховенъ быть-можетъ, былъ величайшимъ геніемъ въ области своего искусства, то, безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ однимъ изъ величайшихъ сердецъ своего времени“.

Необычайная прямота, правдивость и честность, неспособность ни на какой компромиссъ съ совѣстью; полное и гордое сознаніе своего человѣческаго достоинства, заставлявшее этого потомка крестьянъ не склонять головы ни передъ кѣмъ изъ великихъ міра сего; сознаніе своего музыкальнаго генія, поднимавшее его выше всѣхъ условныхъ и фальшивыхъ величій; пламенная любовь къ людямъ и въ особенности къ малымъ, слабымъ и обиженнымъ судьбой; горячее чувство благодарности за оказанную услугу; глубокое презрѣніе ко всему низменному, лживому и несправедливому; восторженное поклоненіе передъ всѣмъ высо-

кимъ въ людяхъ и въ искусствѣ; неподкупное, всецѣлое служеніе „святому“ искусству музыки, поставленное, какъ цѣль жизни; суровая внѣшность и рѣзкія манеры при теплотѣ, цѣломудріи и мягкости душевной; могучій духъ, не терпящій никакихъ преградъ, никакого подчиненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не менѣе могучая воля, способная обуздать этотъ духъ, положить на него оковы терпѣнія и самоотреченія, способная вынести и пронести чрезъ всю жизнь колоссальную тяжесть обрушившагося на него несчастья; полное постиженіе къ концу жизни, путемъ размышленій и личного опыта и страданій, что безконечный духъ человѣка осужденъ биться въ оковахъ ограниченности и что борьба съ міровымъ зломъ за побѣду вѣчныхъ идеаловъ правды, добра и красоты есть высшій нравственный долгъ человѣка; постиженіе, что хотя міръ лежитъ во злѣ и обманѣ и власть тьмы велика, но свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не можетъ объять; наконецъ, пламенная любовь къ природѣ и ея красотамъ и благоговѣйное преклоненіе передъ Божествомъ—Творцомъ и Промыслителемъ міра—вотъ въ общихъ чертахъ нравственный обликъ Бетховена.

Какъ всѣ великія и самобытныя натуры, Бетховень съ юныхъ лѣтъ сознавалъ въ себѣ необъятную силу; его собственное „я“ поглощало и сосредоточивало на себѣ все его вниманіе, мысли и чувства; онъ жилъ, съ первыхъ дней сознательной жизни, въ глубинѣ своего духа. Онъ могъ ежедневно убѣждаться, насколько онъ чувствовалъ сильнѣе другихъ, насколько его внутренняя жизнь, съ самаго ранняго возраста, была полнѣе и глубже. Еще не давая себѣ яснаго отчета въ стремленіяхъ своего духа, онъ, однако, ясно сознавалъ, въ пору своей молодости, свое будущее величіе. „Если я когда-нибудь буду великимъ человѣкомъ, то въ этомъ и ваша заслуга“—писалъ онъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Вѣну въ 1793 году, своему учителю Неефе, который, впрочемъ, и самъ въ двѣнадцатилѣтнемъ ученикѣ своемъ

А

распозналъ черты „будущаго второго Моцарта“. Такія же заявленія о своихъ великихъ силахъ и о будущемъ величій встрѣчаются не разъ и въ другихъ письмахъ Бетховена. „Въ подобныхъ заявленіяхъ гениальныхъ натуръ о своемъ будущемъ величій, мы должны признать—говоритъ Влад. Соловьевъ—не пустую претензію и не начало маніи, а лишь то вѣрное самочувствіе или инстинктъ самоощущенія, который дается всѣмъ избраннымъ людямъ.“¹⁾

Ощущая въ себѣ великую силу, Бетховень жаждалъ и великой дѣятельности. Никогда ничѣмъ не удовлетворяясь, онъ постоянно стремился все впередъ и впередъ, и такъ до послѣднихъ дней своей жизни. Уже тридцатилѣтнимъ человѣкомъ, онъ пишетъ въ 1801 году изъ Вѣны своему другу Вегелеру въ Боннѣ: „могу васъ увѣрить въ одномъ, что, когда вы снова меня увидите, вы найдете меня лучшимъ, чѣмъ какимъ знали прежде; я говорю не только объ артистѣ, но и о человѣкѣ, который сдѣлался болѣе совершеннымъ; и если мои дорогіе сограждане будутъ нуждаться во мнѣ, я буду счастливъ и гордъ предоставить мой талантъ къ ихъ услугамъ“. А вотъ какимъ рисуетъ намъ Бетховена, черезъ десять лѣтъ послѣ того, Беттина Брентано въ восторженномъ письмѣ къ Гёте въ Веймаръ изъ Вѣны, отъ 28 мая 1810 года: „Тотъ, о комъ я хочу теперь говорить, кто заставилъ меня забыть весь міръ и даже тебя, это—Бетховень. Правда, я еще несовершеннолѣтняя, но я не заблуждаюсь, если скажу,—чего теперь, вѣроятно, никто не пойметъ и чему никто не повѣритъ,—что этотъ человѣкъ шествуетъ далеко впереди уровня развитія всего человѣчества. Догонимъ ли мы его когда-нибудь? Я сомнѣваюсь. Пусть только онъ живетъ до тѣхъ поръ, пока не созрѣетъ до высочайшей полноты могучая и возвышенная загадка, которая лежитъ въ его духѣ; да, пусть онъ до-

¹⁾ О поэзіи Лермонтова.